

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

8 декабря 2017

<https://www.globalaffairs.ru/number/Novaya-epokha-protivostoyaniya-19198>

Новая эпоха противостояния

Сергей Караганов

Сергей Караганов — ученый-международник, почетный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, председатель редакционного совета журнала "Россия в глобальной политике".
Декан Факультета мировой политики и экономики НИУ ВШЭ.

Резюме Многим в Москве кажется, что политико-пропагандистский прессинг Запада связан исключительно с ее усилением. Но суть этого давления составляет не столько атака на Россию, сколько общая контратака Запада, цель которой – не допустить дальнейшего ослабления своих позиций, а по возможности и отыграть их.

Статья впервые опубликована в пятом номере журнала за 2007 год.

Международная политика, существенной частью которой являются отношения между традиционным Западом и Россией, переходит в новое качество. Многие уже торопятся определить эту стадию отношений как «новую холодную войну». Однако причины и формы противостояния, возникающего на наших глазах, заметно отличаются от истоков конфронтации, которая завершилась почти двадцать лет назад. Противостояние разворачивается в иных условиях и будет, скорее всего, не столь глубоким, хотя, возможно, даже более опасным.

Назовем этот этап «новой эпохой противостояния» (НЭП). Она принципиально отличается не только от холодной войны, но и от периода, который начался в конце 80-х годов прошлого века и завершается сейчас. Коренная черта последних полутора десятилетий – экономическое, идеологическое и геополитическое торжество либерально-демократического капитализма (прежде всего Соединенных Штатов как воплощения этой модели) и перераспределение ресурсов – людских, экономических, финансовых – в пользу стран, которые следуют этим путем. Однако сейчас ситуация меняется.

уязвимости, многократно усиленным геополитическими поражениями 1990-х годов и помноженным на страх отсталых групп элиты перед конкурентоспособными соседями. Часть российских политиков, видимо, решила, что обострение отношений полезно для того, чтобы сформулировать новую российскую идентичность, восстановить суверенитет и управляемость политических процессов, в том числе и передачи власти. Мы начинаем играть по чужим правилам, втягиваясь в риторическую конфронтацию, которую, похоже, сознательно провоцируют наши конкуренты.

Анализ событий последнего времени позволяет сделать вывод о том, что США и часть традиционного Запада пока оставили надежды превратить Россию в дружественное им государство. Наметился переход к политике «нового сдерживания». Но и Москва поняла, что не хочет и не может интегрироваться на предлагавшихся ей до недавних пор условиях – без права голоса. Кремль стал менять правила игры или, по крайней мере, перестает играть по правилам 1990-х.

ПОЧЕМУ НАЧАЛАСЬ НЭП

Наиболее очевидная причина – возросшая способность и готовность усилившейся России защищать и отстаивать свои интересы. Нынешнее почти полное недоверие и жесткая политика Москвы по отношению к Западу – плата за стратегическую ошибку, допущенную западными державами в прошлом десятилетии. Пока Россия была слаба, ее не пригласили вступить в «клуб» развитых демократий на правах равного, но младшего партнера. А теперь она вступать в этот «клуб», в общем-то, и не собирается, а если когда-нибудь и соберется, то на правах сильного.

Москва усвоила этот урок и начала вести себя с другими так же, как обращались с ней самой. Реакция на российское поведение усугубляется тем, что за прошлое десятилетие у западных политических элит выработалась вредная привычка иметь дело со слабой и безвольной Россией. Но причины неприятия лежат глубже.

Неэффективные попытки Европейского союза выработать единую внешнюю политику (по наименьшему «общему знаменателю») приводят к тому, что единая Европа прогрессирующе слабеет. Вместе с ней снижается внешнеполитический вес ведущих европейских стран, а ведь в 1980-е – первой половине 1990-х годов их влияние возрастало.

За просчеты европейцев ныне приходится платить и России. Во-первых, ощущение слабости, присущее сегодняшней Европе, усиливает подозрительность Старого Света в отношении Москвы. Во-вторых, неспособность ЕС к консолидации на принципах здравого смысла лишает Россию потенциально ключевого партнера на международной арене.

В прошлом десятилетии многим казалось, что Соединенные Штаты обречены на единоличное лидерство и даже гегемонию в мире. Однако иракская авантюра показала, что подавляющее военное превосходство Америки не гарантирует внешнеполитическую эффективность. Ужасный урон нанесен «мягкой силе» США – традиционной привлекательности американской модели политического и экономического развития. Хуже того, провал Вашингтона подорвал притягательность и самой идеи демократии, которую Соединенные Штаты пытались навязывать силой.

На фоне этой неожиданной слабости по обе стороны Атлантики стремительный внешнеполитический взлет России производит особенно сильное впечатление. Справедливости ради следует заметить, что этот подъем – результат не только восстановления государства, начала экономического роста и проведения более умелой инициативной внешней политики, но и элементарного везения.

В конце минувшего столетия геополитический ветер задул в российские паруса. Возросла роль энергетического фактора в мировой политике, началась долговременная дестабилизация «расширенного» Ближнего Востока, снижается управляемость международной системы. Все это, а также удары по Югославии и Ираку повысили роль военной силы. Россия же, несмотря ни на что, – вторая военная держава мира, доказавшая готовность применять силу и даже выигравшая (хотя и чудовищной ценой) войну против исламских радикалов и сепаратистов в Чечне.

Даже экономический и геополитический рост Китая пока на руку Москве: Вашингтон стал всерьез опасаться объединения этих двух крупных стран. Укрепило позиции России также стремление КНДР и особенно Ирана к обладанию ядерным потенциалом – ведь без Москвы эти проблемы не решить.

Европейские и американские элиты крайне обеспокоены энергетическим усилением России. Зависимость Европы от внешних энергопоставок (прежде всего российских) будет только возрастать. Это особенно пугает Старый Свет на фоне новой наступательной и твердой политики Кремля, зачастую довольно неуклюжей по форме.

Энергетическая конкуренция является, пожалуй, важнейшей причиной антироссийского давления. Связанные с ней противоречия можно было бы преодолеть к взаимной выгоде, согласись европейцы на историческую сделку, которую предлагала Москва, – доступ западных компаний к месторождениям и добыче в обмен на предоставление россиянам выхода на внутриевропейский рынок сбыта энергии. Единый энергетический комплекс «Большой Европы» резко усилил бы общий потенциал, ликвидировав значительную часть опасений. Российское предложение официально отвергнуто, хотя отдельные сделки и претворяются в жизнь. Взаимовыгодный компромисс по-прежнему возможен, если ему не помешают политические обстоятельства. Одно из таких обстоятельств – позиция США.

Соединенным Штатам невыгодно создание единого энергетического комплекса Европы. Если Евросоюз, договорившись с Россией, снизит степень своей зависимости от внеевропейских источников энергии, уменьшится и влияние на него Соединенных Штатов. Ведь только они обладают военными и политическими средствами, гарантирующими доступ к ресурсам себе и своим союзникам.

Вашингтон постоянно противодействует возможности «сделки» между Россией и Европейским союзом. Ситуация напоминает отчаянную борьбу, которую Вашингтон вел с конца 1950-х до начала 1980-х годов против развития и расширения энергетического сотрудничества между СССР и западноевропейскими странами. Тогда Соединенные Штаты проиграли, экспортные трубопроводы в Западную Европу были проложены. Сегодня Америка борется не только против усиления России, но отчасти и против укрепления Европы, точнее, против ослабления своих позиций в Старом Свете. И рассчитывать на снижение противоречий с Соединенными Штатами по этой проблематике не стоит.

Острый характер коллизий вокруг энергетики обусловлен фундаментальными изменениями, которые произошли в мире за последние 8–10 лет. Еще недавно большая часть энергоресурсов находилась во владении или под контролем западных компаний. Теперь же значительная, если не подавляющая часть энергетических ресурсов за пределами Северной Америки и Европы находится во владении или под контролем национальных государств и их компаний. Условия игры меняются на глазах. Эра «семи сестер», открывшая беспрепятственный доступ потребителей к ресурсам, заканчивается на глазах. Терпит поражение одно из главных направлений американской и западной политики последних 60 лет – обеспечение контроля над добывающими странами, свободного доступа к дешевым энергоресурсам Третьего мира, где и сосредоточена основная их часть.

Многим в Кремле думается, что политико-пропагандистский прессинг Запада, которому подвергается Россия, связан исключительно с ее усилением. Это справедливо лишь отчасти. «Вне всякого сомнения, растущая озабоченность Запада действиями России – не только следствие российской политики, которая выглядит как подрыв интересов Запада, но и отражение нашей убывающей уверенности в своих способностях и в эффективности западной политики», – замечает Томас Грэм, до недавнего времени руководитель отдела по отношениям с Россией и странами бывшего СССР в Совете национальной безопасности США («Россия в глобальной политике», № 3, 2007 г.).

Суть этого давления составляет не столько атака на Россию, сколько общая контратака Запада, цель которой – не допустить дальнейшего ослабления своих позиций, а по возможности и отыграть их. Эта контратака и является одной из главных, конституирующих черт НЭП.

Россия оказалась на острие этого нового перераспределения сил и влияния, на передовой линии огня. В 1990-е годы казалось, что отказ Москвы от жесткого контроля над своими ресурсами, их приватизация резко укрепляют энергетическую безопасность Запада. Но за последние годы Россия разными методами восстановила контроль над ресурсами, став наиболее видимой частью нового передела. Почувствовав же себя сильнее, Москва ринулась вперед, пытаясь вернуть себе часть позиций, отобранных или оставленных в 1990-е. Однако наше контрнаступление натолкнулось на встречную контратаку традиционного Запада, который пытается не допустить дальнейшего собственного ослабления. Ослабления, причины которого следует искать в политике Запада, а не России.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОСНОВА НЭП

На поверхность выходит еще одно направление острой конкуренции. Разворачивается борьба между двумя моделями развития – либерально-демократическим капитализмом традиционного Запада и «авторитарным капитализмом», флагманами которого всегда выступали азиатские «тигры» и «драконы». Быстрый прогресс стран Юго-Восточной Азии, Южной Кореи предпочитали считать исключением, а не правилом. Но ударный рост КНР вопреки звучащим почти два десятилетия предсказаниям коллапса, не позволяет больше заниматься эскапизмом.

Торжество либерально-демократического капитализма в холодной войне создало иллюзию, что эта победа окончательна. «Конец истории», предсказанный Фрэнсисом Фукуямой, не наступил не только потому, что развал блоковой системы привел к нарастающему хаосу. Оказалось, что соревнование не окончено, поскольку вместо проигравшего планового социалистического хозяйства появилась другая модель, потенциально весьма привлекательная, особенно для стран бывшего Третьего мира, то есть большинства человечества. Это модель авторитарного полудемократического капитализма – экономически эффективного и политически приемлемого.

В отличие от социализма капитализм обеспечивает большинству пусть и неравномерный, но рост благосостояния. А авторитаризм или ограниченная демократия, в отличие от тоталитарного коммунизма, гарантируют тому же большинству приемлемый уровень личной свободы.

Соревнование между двумя подвидами капитализма проанализировал на страницах влиятельного американского журнала *Foreign Affairs* израильский стратег Азар Гат. «Авторитарные капиталистические страны, персонализируемые Китаем и Россией, – пишет он, – могут представлять собой жизнеспособную альтернативу... что означает, что окончательная победа и будущее доминирование либеральной демократии не являются неизбежными. Успешный недемократический Второй мир может теперь рассматриваться многими в качестве привлекательной альтернативы либеральной демократии».

Вполне возможно, что «авторитарный капитализм» – это лишь ступень на пути к более либеральной модели. Ведь многие страны Западной Европы и США до второй половины прошлого столетия имели черты, свойственные ныне государствам так называемого «авторитарного капитализма».

Но как бы то ни было, на сегодняшний день либерально-демократические триумфаторы ощутили, что начинают терпеть поражение. «Миссия» на Ближнем Востоке ослабила мировые позиции не только Соединенных Штатов, но и демократии в целом. Не столь заметным, но существенным ударом явилось поражение де-факто большинства «цветных» революций, импортированных в страны бывшего СССР. Демократические выборы в Палестине повергли страну в гражданскую войну. Запылал вполне демократический Ливан. А расположенная рядом авторитарная Сирия довольно успешно развивается.

Соревнование моделей – это не только борьба за моральное превосходство. Победа означает перераспределение человеческих и всех иных ресурсов в пользу государств, олицетворяющих более эффективную модель. С конца 1980-х годов до начала нового века ресурсы в массовом порядке перетекали в США и Западную Европу. Теперь процесс может пойти вспять. Тем более что успех «авторитарного капитализма» и ослабление позиций демократии накладываются еще на один тектонический сдвиг. Центр мировой экономики и геополитики перемещается с евро-атлантического пространства на азиатское.

Либерально-демократические, но экономически слабые или малые государства вынуждены автоматически ориентироваться на Запад, следовать подчиненным внешнеполитическим курсом. Если другая модель докажет свою успешность, у части государств появится возможность переориентации или, по крайней мере, расширится поле их маневра.

Так, восстанавливается, хотя и очень медленно, привлекательность России для среднеразвитых обществ и стран. Москва показала постсоветским и развивающимся государствам, что успеха можно добиваться, не только двигаясь путем зависимой либерально-демократической модели Центральной и Восточной Европы. Суверенной, растущей, лучше управляемой России хотят подражать те в соседних странах, кто устал от нищеты, хаоса, неопределенности. Да и авторитарным правителям многих государств комфортней жить рядом с твердой, но последовательной и не посягающей на их суверенитет Россией.

История выталкивает нашу страну в центр новой конкуренции между двумя моделями капитализма – либерально-демократической и авторитарной. Россия – ключевое государство с точки зрения соревнования политических, социально-экономических моделей. От нее же зависит, в чью сторону качнется мировой военно-политический баланс.

Недоверие к авторитарной модели развития во многом объясняет и подозрительность европейцев к российской энергетической политике. Авторитарному государству легче манипулировать активами, в том числе энергетическими, во внешнеполитических целях. В этом смысле демократия, особенно слабая, для партнеров удобнее. Она меньше приспособлена для такого манипулирования.

Итак, Россия оказывается в центре сразу двух новых состязаний, которые во многом определяют будущее мира: между потребителями и производителями энергии за контроль над ресурсами и между разновидностями капитализма. А ведь Россия уже находится на трех разломах: между радикальным исламом и христианской цивилизацией, между богатыми и бедными, между Европой и Азией.

Правда, если раньше разлом между Европой и Азией олицетворял собой выбор между современностью и отсталостью, свободой и тиранией, индивидуализмом и коллективизмом, капитализмом и феодализмом, а в конечном итоге – между прогрессом и стагнацией, то теперь стремительно растущий Восток стал, по сути, новым Западом.

НЭП: НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Усложнение соревнования из-за введения в него новых элементов делает эволюцию мира еще менее предсказуемой. Перед лицом новых вызовов и «трещин» вероятны попытки добиться нового сближения разошедшихся после холодной войны полюсов традиционного Запада – американского и европейского. Но относительное единство может восстановиться только в случае возобновления в той или иной форме системного военного противостояния.

Соединенные Штаты будут по-прежнему делать ставку на НАТО, дабы сохранить свои позиции в Европе, а возможно, и с целью стимулировать новое военно-политическое противостояние. Существует нереалистический, но заведомо провокационный план трансформации Североатлантического альянса посредством включения в него таких стран, как Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия, в военно-политическую основу всемирного «союза демократий».

Сама по себе идея создания сообщества мощных и ответственных государств, которые могли бы возглавить борьбу против очередных угроз миропорядка, вполне разумна. Но в новую эпоху конкуренции всех против всех подобное не только весьма маловероятно, но и просто вредно, поскольку несет в себе семена очередного идеологического раскола, той самой системной конфронтации.

Фактическое обоснование ее содержится, например, в статье американских аналитиков Айво Даалдера и Джеймса Линдсея, которая была опубликована в журнале *The American Interest* в конце прошлого года. «Мировые демократии

обладают наибольшими возможностями для того, чтобы определять глобальную политику, – пишут авторы. – В их распоряжении крупнейшие и наиболее дееспособные армии, на двадцать самых крупных демократий приходится три четверти всех оборонных расходов в мире». Может ли «концерт демократий» быть успешным, если в него не войдут такие страны, как Китай и Россия, задают вопрос исследователи. И отвечают: «Конечно может». При этом они призывают не бояться того, что Пекин и Москва воспримут формирование «союза демократий» как угрозу и в ответ тоже объединят свои усилия.

Мощные сдвиги в мировой экономике и политике, быстрое перераспределение сил и ресурсов усугубляют ощущение непредсказуемости внешней среды. Поэтому НЭП, скорее всего, будет отмечена продолжением ремилитаризации международных отношений и даже гонкой вооружений. Что же касается дальнейшего расширения НАТО, то оно станет более вероятным, если Россия попадет на удочку и начнет со своей стороны подливать масла в огонь глобальной ремилитаризации.

Другой особенностью НЭП будет жесточайшая многоуровневая конкуренция – экономическая, геополитическая, идеологическая. Министр иностранных дел России Сергей Лавров сформулировал эту особенность нового мира следующим образом: «Парадигма современных международных отношений определяется конкуренцией в самом широком прочтении этого понятия, ее предметом, помимо прочего, становятся ценностные ориентиры и модели развития. Новизна ситуации заключается в том, что Запад теряет монополию на процессы глобализации. Видимо, отсюда и попытки представить происходящее как угрозу Западу, его ценностям и образу жизни» («Россия в глобальной политике, № 2, 2007 г.).

Можно прогнозировать ренессанс попыток ограничить экономическую экспансию стран «авторитарного капитализма» и их компаний. Либеральные государства перенимают протекционистскую практику новых авторитарных капиталистов, вводя ограничения на иностранные инвестиции в «стратегические отрасли». Проявляющееся стремление использовать в качестве инструментов новой конкуренции старые международные организации грозит подорвать значение последних. Резко ослабло влияние МВФ, утрачивает позиции Всемирный банк, наблюдаются деструктивные для мировой экономики попытки использовать ВТО в интересах основателей этой организации – стран «старого» капитализма. Не надо забывать, что рост протекционизма, торговых и инвестиционных противоречий был, как правило, одним из предвестников военных столкновений.

Безусловно, будет обостряться конкуренция и в идеологической области. Демократии уже перешли в контратаку. США займутся восстановлением собственной привлекательности. К сожалению, в среде, характеризующейся острой конкуренцией, борьба за высокие ценности демократии почти неизбежно приобретет характер геополитического противостояния. Это может затормозить вероятный процесс либерализации в странах нового авторитарного капитализма, в частности в России. Не следует забывать уроки холодной войны, когда жесткое давление извне усиливало позиции реакционеров и консерваторов внутри. Вот и теперь тех, кто стремится к необходимым реформам, будет легко представлять агентами держав-конкурентов.

Самым неприятным последствием новой многофакторной конкуренции будет снижение интенсивности и качества международного сотрудничества по противодействию глобальным вызовам – распространению оружия массового уничтожения, деградации окружающей среды, росту исламского экстремизма.

Временные рамки НЭП можно предвидеть. Через пять-семь лет Европа, скорее всего, начнет выходить из нынешнего системного кризиса, ускорится и ее экономическое развитие. Америка, покинув Ирак и избавившись от «иракского синдрома», вернется к более рациональной многосторонней политике. Россия придет в себя от теперешней эйфории и станет проводить не менее активную, но более осторожную политику.

Появятся политические и экономические предпосылки для преодоления нынешней иррациональной конфронтации по энергетике и создания энергетического союза в Европе.

Потребители энергии, вероятно, адаптируются к ситуации, вызванной перераспределением ресурсов из частного и иностранного владения в государственное и национальное. Не исключена и волна реприватизации сырьевых потоков. В истории не раз случалось, что, получив необходимые доходы и убедившись в очередной раз в неэффективности госкомпаний, правительства отдавали управление природными ресурсами в частные руки. Частичная реприватизация весьма вероятна и в России.

Отчасти возможно и преодоление идеологической основы нового противостояния, соревнования между двумя моделями капитализма. Ведь они не так несовместимы, как «реальный социализм» и капитализм.

Глобальные вызовы, ответы на которые мешала найти острая конкуренция НЭП, будут еще более настоятельно требовать тесного сотрудничества. Его новый тур имеет шанс быть более устойчивым, чем в 1990-е годы. Тогда взаимодействие осуществлялось под диктовку победителей в холодной войне, из-за чего начинание было обречено на провал.

Но эра более тесного сотрудничества наступит только в том случае, если человечество, в том числе Россия, не допустит системной ошибки – структуризации и милитаризации нового соревнования, а также если не случится нового

военного столкновения. Наиболее вероятно оно на «расширенном» Ближнем Востоке. Обострение конкуренции до системного противостояния может привести к сползанию в сторону череды крупных войн и даже мировой войне.

Что в этой ситуации делать России?

Первое. Шапкозакаидательские настроения объяснимы после долгих лет потерь и унижений, но с ними нужно как можно скорее заканчивать. Все прогнозы развития мировой экономики указывают на то, что в обозримой перспективе России не удастся подняться выше нынешних приблизительно 2,5% мирового ВВП, а если мы не достигнем устойчивого роста в 8–10% ежегодно, наша доля будет иметь тенденцию к сокращению. К тому же большинство факторов, которые в последние несколько лет обусловили достижения России (от общего снижения мировой управляемости до успеха Китая), в долгосрочной перспективе чреватые серьезными проблемами.

Второе. Новая эра конкуренции требует перехода к экономике знаний. Преимущество, основанное на энергоресурсах, – явление временное. Необходима постоянная модернизация политической системы, чтобы не допустить скатывания в авторитаризм застойного типа. Если в период благоприятной экономической и геополитической конъюнктуры не использовать полуавторитарных и госкапиталистических методов для перехода к новой модели развития, закат России в последующую эпоху предопределен.

Третье. Мир качественно усложняется. По сравнению с СССР зависимость России от внешнего мира выросла на порядок. Необходимо резкое увеличение инвестиций в изучение современной международной среды, в подготовку кадров, которые на новом этапе и новыми методами смогли бы обеспечить защиту позиций России и ее корпораций, продвижение их интересов.

Четвертое. Нужно приложить усилия, чтобы не допустить невыгодной с точки зрения среднесрочных и долгосрочных интересов ремилитаризации и институционализации нового соревнования. Отсюда – линия на предотвращение дальнейшего расширения и консолидации НАТО, осторожность в заключении союзов и ведении разоруженческих переговоров. Многие из них, как показывает опыт, могут быть использованы для ремилитаризации политики.

Противодействие ремилитаризации не означает отказа от восстановления мощи Вооруженных сил страны на новой основе и модернизации военной доктрины. При этом разумное восстановление мощи должно основываться на односторонне определяемых потребностях, а не на ответах, пусть даже и асимметричных, на действия других.

Пятое. Необходимо сотрудничать со всеми ответственными силами во имя недопущения дальнейшего распространения ядерного оружия, новых масштабных конфликтов, особенно ядерных. Они могут спровоцировать неконтролируемую деградацию международной политической среды.

Шестое. В период развертывания острой фазы «новой эпохи противостояния», которая будет означать жесткую контратаку начавшего проигрывать Западу, идти ему на уступки бессмысленно. Они будут восприняты как проявления слабости. Но надо избегать и неоправданных демонстраций жесткости, на которые нас будут провоцировать и которые только растрачивают появившийся у России небольшой запас силы.

Россия – это уже не проигравшая страна, пытающаяся наверстать упущенное. Мы должны начать вновь улыбаться просто вежливо, а не издевательски или высокомерно.

Последнее обновление 30 ноября 00-1, 0:00